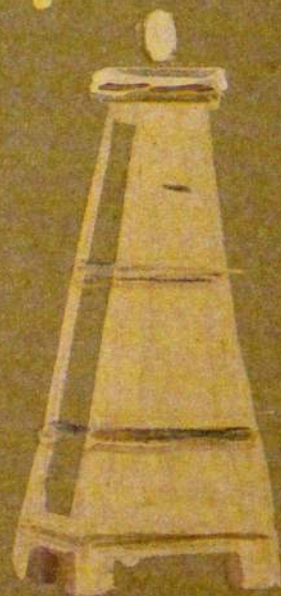

Сергей Иванов
НА ПАСЕКЕ

Л

Сергей Иванов

НА ПАСЕКЕ

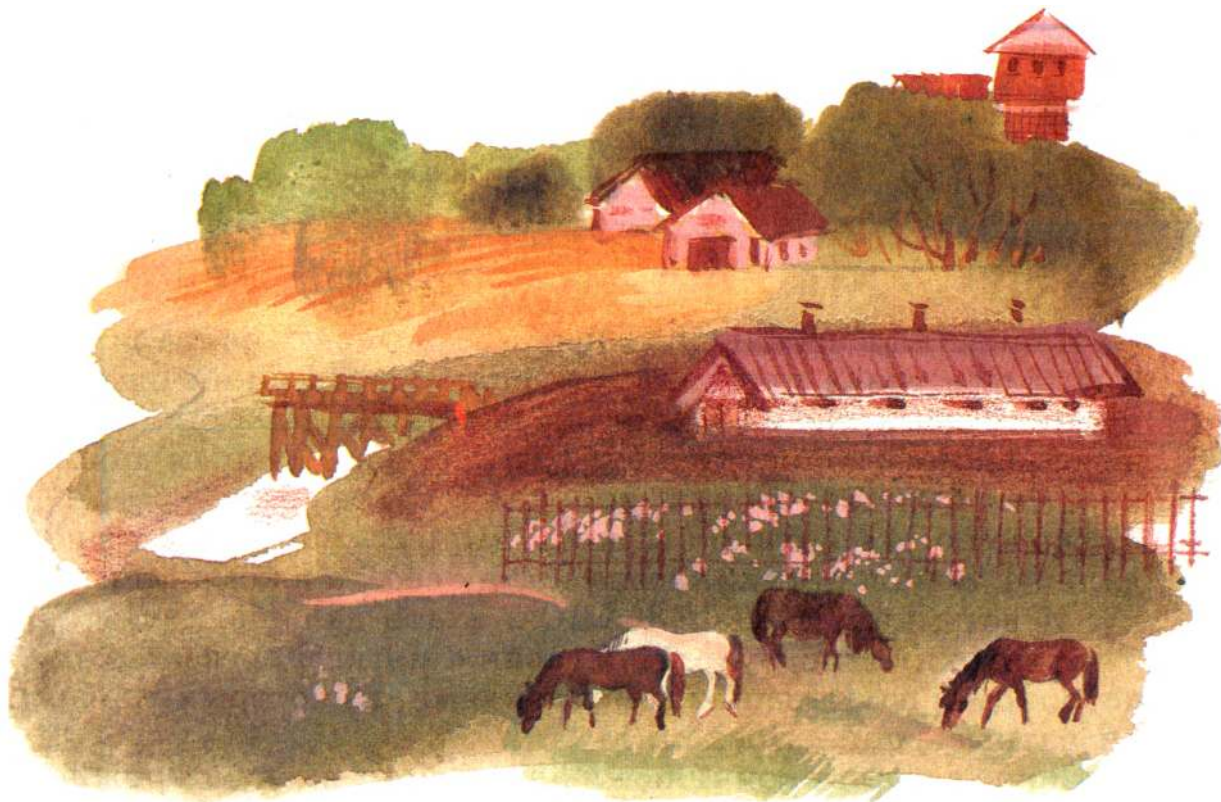
ПОВЕСТЬ

Художник Т. Васильева

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1989

В БЕГУЩЕЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

Лето. В городе жарища. Идёшь по улице, как водолаз по реке расплавленного клея. Сейчас здесь автомобилям и то душно! И до чего ж хорошее это дело — взять вдруг да уехать куда-нибудь на волю. Спешит, скачет моя электричка. И с каждой минутой, с каждым километром за окном всё зеленей, всё просторней. Поля, поля, то вдруг лес нахлынет. Гонятся за нами, подпрыгивают одноногие столбы.

В тамбуре два дядьки — оба усатые и толстые, словно близнецы, курят близнецкие толстые папиросы. «Ох, — говорят, — в этих местах воздух на редкость. Живой кислород, кхе-кхе-кхе...»

СРЕДИ ПОЛЕЙ

Я приехал в небольшой городок. И он сразу понравился мне. Здесь трава дружила с асфальтом. Здесь ни одного нужного дома, ни магазина, ни почты, ни даже милиции невозможно было найти, потому что они все давным-давно пропали в диких дебрях вишенных садов.

Хорошо здесь было бы жить. Но путь мой лежал ещё дальше. Ведь я приехал сюда не так себе, а в командировку. И вот мне... НАДЛЕЖАЛО... ехать дальше.

Я вздохнул, погрузился в газик с мягким брезентовым потолком и со старенькими сиденьями, из которых торчали ватные уши... Поехали!

Скоро асфальт кончился, и автомобиль наш, осторожно пробуя круглыми ногами дорогу, сошёл на просёлок. Однако скоро освоился и побежал тем же самым бегом, что и прежде. Меня стало потряхивать и подбрасывать с каждой минутой всё крепче. Тут я понял, зачем у газиков брезентовые потолки.

Но привыкнуть, оказывается, можно ко всему. Даже к тому, что ты стал футбольным мячом. Привык и я. Смотрел в окно, зевал. Только на ухабах иногда щёлкал зубами.

За окном была настоящая благодать. Дорога вилась по самому краю леса. Так что в одном окне у меня без конца мелькали ёлки-берёзки, ёлки-берёзки. В это время в другом окне широко распласталось поле овса. Он уже кололся, был изумрудно-белый, как посеребрённый. Я в жизни не видел столько овса и сразу подумал, что, наверное, в этих краях коням живётся очень неплохо!

Вдруг после этой изумрудной зелени пошла зелень со-

вершенно жёлтого отлива. Это была пшеница. Она стояла густою стеной. Лишь в некоторых местах остались вмятины после вчерашнего дождя и ветра.

День был влажный, солнце просвечивало сквозь серые, но высокие облака. И я прямо чувствовал, как всё кругом растёт: лес, трава, пшеничное поле и поле овсяное...

ПАСЕКА

Уже по заглавию книжки вы поняли, что я обязательно должен был приехать сюда. И вот приехал.

Пушистый фиолетовый ковёр, длинные ряды разноцветных ящичков на палочных ногах. Это и есть пасека, стоящая среди густых клеверов.

С одного боку её обступали высокие липы, с другого боку и сзади — березняк. Да ещё по всей пасеке рассажены были яблони. Ну что за место, лучше не придумаешь!

Каменный одноэтажный дом смотрел на пасеку тремя большими окнами и множеством мелких окошек застеклённой терраски. Здесь жили пасечники? Да, наверное.

Интересно, какие они? Мне представился дед в холщовой рубаше, в соломенной обвислой шляпе, с улыбкой сквозь густую бороду... Но ведь это всё было когда-то — такие деды, — а теперь небось...

Из-за дома вышел человек — в штанах, которые зовут джинсами, босой, по пояс голый. Причём шёл он не на ногах, а на руках. Не очень, сказать, быстро, но и не очень медленно — средним таким шагом.

Человек подошёл ко мне почти вплотную. Я уж решил: может, надо с ним поздороваться за пятку? Но здесь он увидел чужие ботинки и живо стал на ноги.

— А! Это вы должны были к нам приехать? — Он протянул мне руку, которую предварительно отряхнул об штаны: — А я буду пасечник. Саня.

Был он плечистый, стройный, и мускулам его позавидовал бы иной олимпийский чемпион.

Саня окончил ПТУ, и вот теперь пожалуйста — двести ульев у него под рукой. Я от сердца пожалел, что в моё время таких ПТУ не было.

ДЕРЕВНЯ ГОЛЪЯНОВО

Как и положено, пасека стояла на краю деревни. Красивая здесь была местность: круглые, покрытые цветами холмы, и на холмах этих домики — словно на островах.

Саня начал всё чистить и блистить на пасеке: сегодня должны были приехать научные работники — Санино, можно сказать, начальство. А меня он попросил сходить за водой. Предупредил:

— Только вы не обижайтесь. У меня времени в обрез.

А что мне было обижаться, посудите сами: для городского человека взять ведёрко да сходить на колодец — это же одно удовольствие!

Я оглянулся кругом. Колодца на пасеке видно что-то не было. Ну и ничего, пойду в деревню. Там-то уж обязательно...

И пошёл, опасливо косясь на ряды ульев, стоящие меж яблонь. Туда, как учёные пули, как маленькие самолёты, мчались со всех сторон пчёлы. Воздух над пасекой так и клубится гудящим пчелиным дымом.

Пасека стояла на холме. Вниз от неё вилась рыжая

дорога. Стояла стеной трава, вся в разноцветных брызгах цветов.

Внизу, меж холмами, я увидел колодец — такие зовут журавлями. Он высоко тянул деревянную шею, словно принюхивался к редким облакам.

Журавль был именно такой, о каких любят писать в книжках. Пока я опускал бадью в колодец, он радостно скрипел, будто знал, что это мне понравится. Внизу в колодце лежала тёмная вода. По ней, словно битая льдина, плавал кусок живого неба.

Я вытащил бадью, до краёв полную воды. Журавль старательно помогал мне. Бадья была чудесная, с бороδοю зелёной чистейшей тины по дну.

Я перелил воду к себе в ведро, напился, выплеснул остатки воды в траву... Тишина, теплынь. И ни души.

Я впервые подумал о том, что не встретил здесь ни одного человека. Только Саня на пасеке, и всё... Может, ра-

ботають люди? Я оглянувся кругом. Море травостоя, пчелиний гуд, вдали на последнем холме синее лес... Никого!

И тропинка от пасечной дороги к журавлю заросшая, нехоженная. А вот и ещё одна такая же. Трава и цветы перегнулись через неё, здороваются, обнимаются друг с другом, кое-где и вовсе переплелись — не видно тропинки...

Я поднимаюсь на холм. Он ближайший сосед того, на котором стоит пасека. Передо мною — дом, бревенчатый, крепкий, выкрашенный тёмно-красной краской, словно закопчённый огнём. Такой ещё лет пятьдесят простоит, не охнет. В окнах, между рамами, белоснежным пышным валиком лежит вата, усыпанная вырезанными из серебряной бумаги звёздами. А поверху коричнево-красные рябиновые кисти. И странно мне и грустно глядеть в самый разгар июня на эти прошлогодние приготовления к зиме. Дверь забита наискось доской, как зачёркнута.

В отдалении ещё один дом. И тоже заколоченный. И кругом нетронутое цветочное поле — колокольчики, ромашки выше колен... Деревня Гольяново — красиво, да грустно.

Вечером Саня мне рассказал... Тут прежде была ферма, паслось стадо коров. На лесных полянах здесь полно земляники. Молоко получалось исключительное: густое, жёлтое и пахло земляникой. А потом несколько ферм соединили, перевели в большое село. Ушло стадо, и люди уехали. Где-то в другом месте поставили новые дома и посадили огороды. А Гольяново осталось их ждать.

Дома эти, и певучий журавль, и крепкие ещё, крашенные изгороди, и земля за изгородями, на которой среди полевых цветов можно угадать грядки, — всё ждёт возвращения своих хозяев.

И стареет.

ЧАЙ С НАУЧНЫМИ РАБОТНИКАМИ

Приехали научные работники Владимир Иванович, Елена Сергеевна и Таня, их дочка. В работе с пчёлами главным был Володя, а в семье, конечно, Лена, как оно и бывает обычно. Ну, а Татьяна главнее всех!

Пока познакомились да пили чай с дороги, я их всех потихоньку рассматривал.

Вот они сидели передо мной: Саня, Володя, Лена, шестилетняя Татьянка. Все, конечно, разные, но лица у всех какие-то удивительно чистые и здоровые. Говорят, пасечники, «пчеляки», живут долго и редко болеют.

На столе, в миске с нарисованными цветами, лежал соевый мёд. Смоляные капли его медленно вытекали из разрушенных ячеек.

— Ну-ка, тёпленького медку-то поешьте,— говорила мне Лена.

Это значит самого свежего, только что из улья.

В распахнутую дверь залетела пчела, присела на краешек миски, попробовала мёду, сделала круг над столом, хотела вылететь, да не разобралась — оконное стекло приняла за открытую дорогу, стала ползать по раме и жужжать.

Таня протянула руку к пчеле.

— Подожди,— сказал Володя,— сперва чаю попьём.

— Пускай отправляется,— сказал я,— больше мёду соберёт, нам же лучше.

Но Володя покачал головой:

— Думаешь, она сейчас на цветы полетит? В улей!

И такую сюда ватагу притащит — берегись. Это ж разведчица! Так что, хочешь спокойно чаю попить, лучше пока держи её под арестом.

Разведчица? Что ж такое разведчица?.. Но спрашивать пока было неловко.

Потом я увидел, как Таня бесстрашно взяла пленную пчелу, поднесла её к двери и отпустила на вольную свободу.

А вы бы на это решились? Я, например, ни за что!

ОТКРЫТЫЙ УЛЕЙ

Лена, Володя и я идём меж ульями. Мы в шляпах с сетками, закрывающими лицо и шею. В руках у Лены тетрадь для записей и дымарь. Это что-то вроде кофейника, только с очень коротким носом. Внутри «кофейника» дымят гнилушки и мёрва, чёрная густая штука, которая остаётся после перетопки воска. К кофейнику-дымарю приделан такой как бы насос. Нажмёшь — из дымаря выходит пухлая ватная струя дыма. Пчёл пугать...

Улей. Вход — узкая щёлка, называемая летком. Двести ульев, двести летков. Над каждым вьётся облачко пчёл. Беспреданно пчёлы садятся на прилётную доску, наклонно идущую от земли к летку. Это как бы аэродром.

Володя с Леной о чём-то спорят — я не слышу: с непривычки страшно идти по пчелиной территории. Как по минному полю!

Володя начинает открывать улей. Снимает квадратную железную крышку. Из-под неё — подушку. Самую обычную подушку — она предохраняет улей от слишком горя-

чего солнца. Потом осторожно снимает слой материи — это как бы потолок улья. Всё, открыто!.. Но ничего страшного не происходит. Лена отправляет в улей струю из дыма, и пчёлы тотчас облепливают соты.

Теперь можно всё хорошенько рассмотреть. Улей — это разборный дощатый ящик, внутри которого в ряд подвешены рамки, сбитые из реек. В рамках пчёлы лепят свои соты.

Володя вынул одну такую рамку. Она величиною была примерно с эту вот книжку... И вся чёрная от пчёл! Вид у них был жутко сосредоточенный.

Раньше, многие сотни и тысячи лет назад, пчёлы жили в лесу. И вот у них постепенно за эти долгие годы появилась такая привычка, или, ещё говорят, **рефлекс**: как почувствуешь запах дыма, поскорей выпей мёда на дорожку и беги. Потому что нет в лесу страшнее бедствия, чем пожар.

Этим пчелиным рефлексом и пользуются пасечники. Пустят в улей струю — пчёлы тотчас на соты. А потом можно спокойно работать.

Володя вынул другую рамку. Она была чистая от пчёл.

— Здесь, видишь, медовых сотов нет,—сказал Володя.— Это рамка с дётвой.

А я, уже кое-что читавший про пчёл, знал, что дётва — это пчелиные личинки, будущие пчёлы... Из некоторых ячеек высовывались головки молодых уже «совсем готовых» пчёл.

Они тоже учуяли запах дыма и хотели бежать, но выбраться не могли, не хватало сил до конца разгрызть восковую крышку. Вот страху-то небось натерпелись! Я от сердца пожалел их.

БОЛЬНО

И здесь меня ужалила пчела. Она села мне на руку, я невольно вздрогнул. Пчела слетела. Но тотчас села опять, я махнул рукой что есть силы.

— Не маши! — крикнул Володя.

Но поздно. Как коршун пчела кинулась на меня — хлоп! Я увидел крохотную ранку и чёрную точку жала. Под кожей стала растекаться красная клякса.

Оказывается, здесь тоже работает рефлекс, только не пчелиный, а наш. Впрочем, не только наш. Так же и медведь поступит, и обезьяна, и кошка — всяк, на кого села пчела. Мы непременно постараемся её прогнать — пчёлы так и распознают своих врагов. А стоит только одной из них выпустить яд — другие сразу это чувствуют... И тогда уж берегись!

Ох, как трудно научить себя не дёргаться, не бежать. Но всё-таки можно. Можно страх пересилить.

Это было через несколько дней. Лене для опыта нужно было два десятка молодых пчёл. Я вызвался ей помочь.

Открыли улей, я подымил...

— Ну чего ж ты, доставай рамку,—сказала Лена.

С упавшим сердцем я запустил руки в улей — страшно было несказанно. Вынул кишашую пчёлами рамку. Они сосали мёд и... такой звук от них исходил, я всё никак не мог вначале сообразить... Пожалуй, так шипит раскалённая сковородка, на которую попадёт вода.

Тут я увидел, что у меня на указательном пальце сидят три пчелы и как-то подозрительно водят усами, топочут ножками. О, как хотелось мне бежать! Или хотя б дунуть на этих пчёл.

— Лена! — сказал я отчаянным шёпотом.— Меня хотят укусить.

— Не укусить, а ужалить,—объяснила Лена. Сама она в это время голыми руками брала пчёл, осматривала их и сажала в специальные клетки или отпускала назад.— Я ж тебе уже говорила: у пчёл зубов нету.— Наконец она мельком глянула на «моих» пчёл: — Не думают они тебя жалить, они чистятся. Не трись!

НАСТОЯЩИЙ ПЧЕЛЯК

Я считаю укусы, как бойцы считают раны. «Пчеляки» надо мной посмеиваются.

— Это тебе пока везёт, что на хорошие ульи попадаешь,— говорит Володя. После обеда мы сидим с ним на крылечке.— А бывает: только откроешь, они разом на тебя как ахнут... А уж от нескольких-то жал в день никогда не убережёшься!

В это время на щёку его села муха. Почесала лапу об лапу, перебралась на ухо, постояла, побежала дальше. Володя этого не замечает. Приучил себя не замечать.

ПЛЫВУТ ПО НИЛУ ПЛОТЫ

На пасеке режим деревенский. Рассвело — значит, утро, пора на работу. Чуть стемнело — ложимся спать.

Сейчас вечер. Но так он хорош, что мы всё не можем решиться разбрестись по своим комнатам. Сидим за столом, врытым перед домом в землю. На столе полуостывший самовар. Небо светлое, июньское. И кругом ни звука.

Сейчас я уже не помню, с чего начался наш разговор. Наверное, ни с чего. С того просто, что не хотелось раскопаться. Лена стала рассказывать мне о старых и даже древних пчеловодах. Когда-то она писала об этом статью. А Володя, хоть статьи такой не писал, знал не меньше Лениного.

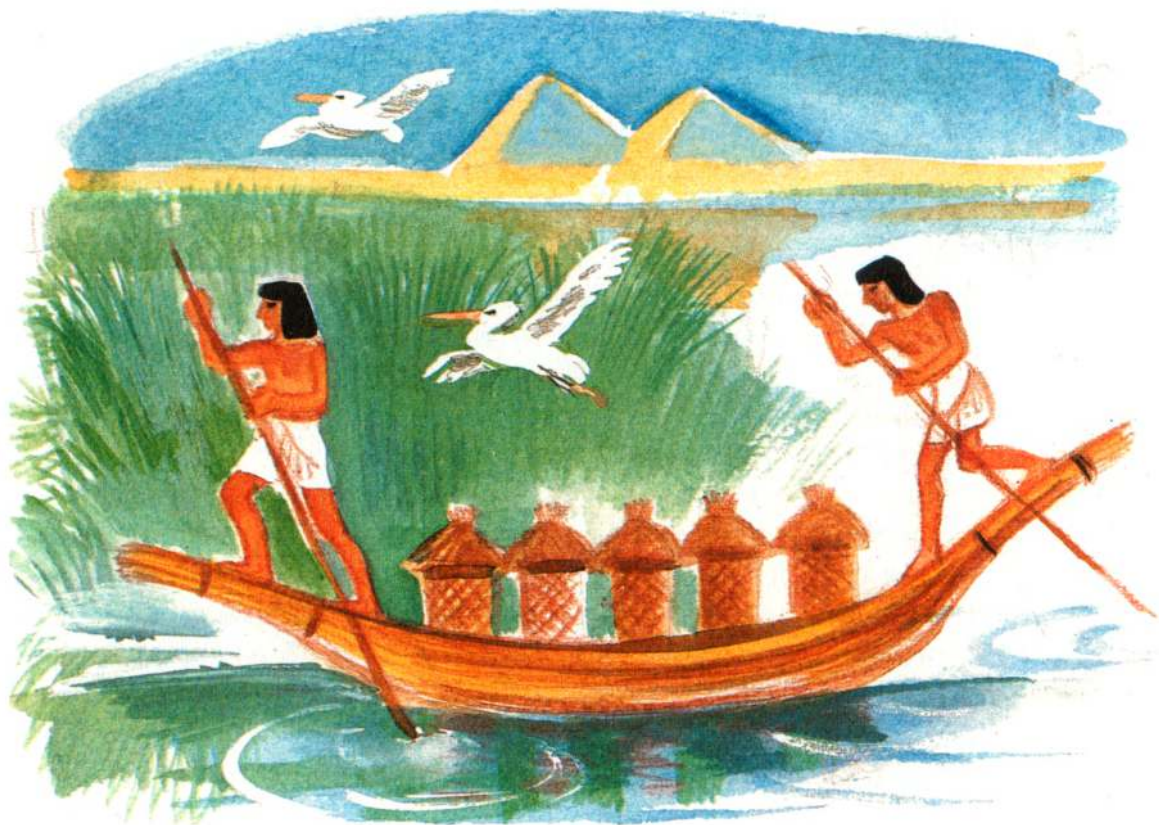
Саня слушал будто бы небрежно — делал вид, что всё

это ему известно. Потому что как-никак выпускник ПТУ, сам пасечник... Но, видать, наш пасечник кое-какие уроки в ПТУ своём прогулял.

Вечернее июньское небо, заснувший березняк. Но где-то совсем рядом течёт по древнему Египту никогда не виданная нами река Нил и царствуют фараоны.

По Нилу плывут плоты... Вот кричит что-то надсмотрщик — бухают по воде тяжёлые вёсла, плоты пристают к берегу. На них... ульи. Какими были они, те древние ульи, не знает никто. Лишь известно, что ранней весной их привозили в верховье Нила, к самому истоку. Это юг Египта. Там весна начиналась раньше всего. Значит, раньше и распускались цветы.

С юга на север шла по берегам Нила весна. А вслед за нею, за цветами, за нектаром плыли понемногу плоты с ульями.

Но всё-таки чаще всего в древние времена за пчёлами, за мёдом просто охотились. Шли в лес, искали дупло, в котором жила пчелиная семья, беспощадно напускали в дупло дыму. Это называлось «закуривать пчёл». Семья пчелиная гибла. Ну, конечно, само собой, доставалось и обидчикам... Потом дупло ломали, вырезали соты с мёдом. Так она и шла, эта охота.

БОРТНИК ДЯДЯ ГАВРИЛА

Долго ли, коротко ли, однако времена потихоньку стали меняться. Может, пчёл поубавилось, а может, люди просто поняли, что глупо это и жестоко — так вести себя.

И появились бортники. Они тоже искали пчёл. Но уже не закуривали их, а, дождавшись осени, вытаскивали соты через специально пробитые отверстия. Рядом с настоящими дуплами бортники выдалбливали в дереве новые удобные для пчёл жилища. Эти рукодельные дупла и назывались бóртями. В разгар лета пчелиная семья начинала роиться, половина пчёл вылетала в поисках нового дома. Глядь, вот оно и дупло!

А надо сказать, мёд был в те времена очень дорог. Из свёклы и тростника сахар варить ещё не умели. Одно сладкое и было на всём белом свете — что бортники из лесу принесут.

Когда бортник находил новое дупло с пчёлами, он рубал на дереве своё «знамя», то есть знак, клеймо: вилы, сума-калитá с поясом, «четыре рубежи» (значит, четыре

зарубки) — у всякого было своё. А кто ограбит чужую борт, тому несдобровать. Иной раз доходило даже до смертной казни — так строги были законы.

Но были воры, которые из всех законов знали только один: «Мёду хочу!» Сам здоровущий. На вид вроде добряк. Однако злобы в нём хватает. Особенно когда что-то делается «поперёк его ндрава»... Хозяин леса. Очень большой любитель мёдом ведать. За то, говорят, имя своё и получил: медведь.

Не раз приходилось бортнику схватываться с медведем... Вот они стоят друг против друга. Медведь поднялся на задние лапы. Бортник выставил вперёд левую руку, обёрнутую бараньей шкурой. Шкура та не проста, она хитро обмазана дёгтем. Сейчас медведь бросится на шкуру, да лапой и соскользнёт по дёгтю — прямо на длинный нож, что сжимает бортник в правой руке.

Здоров ты бортник, дядя Гаврила. Но медведь-то куда огромней. Ревёт!

А ну, как не соскользнёт его лапа с бараньей шкуры? А ну, как?.. Страшен дикий лес, глух... А на высокой сосне, в бортях, пчёлы радуются солнцу, таскают и таскают нектар.

МЕДВЕДЬ И КОЛОТУХА

Пчёл у бортника много: там семья, там семья, там семья. Будет прибыль! Только беда: словно нарочно разбежались бортни в четыре разных угла огромного леса. Как же уберечь их от медведя?

Растёт сосна, а на ней две бортни. Мишка тут как тут. Однако близок локоток, да не укушишь!

Висят на суках тяжёлые колотухи. Сделать их

нетрудно: обрубок бревна, кусок верёвки. Вот придумать колотуху было мудрено. Как же она оберегает пчёл?

Лезет медведь по сосне. На пути висит колотуха. Тут как ни хитришься, непременно её заденешь. А задел, колотушка — стук медведю по горбушке. Медведь рассердится, оттолкнёт колотуху — она ударит ещё сильнее. Тут медведь совсем уж озлится, зарычит, что есть сил толкнёт распроклятую деревяшку. В ответ такой удар, что несдобровать и хозяину леса.

Избитый, ухнет медведь вниз. Прямо на острые колья, воткнутые вокруг сосны... Жестокие времена!

КОЛОДА, ПОСЁКА

Так бортничали люди. Испокон веку, из рода в род. Не одну долгую сотню лет. Дело трудное, и мёду не сказать, что много.

Наконец додумались: стали чурбаки с дуплами, по-тогдашнему колоды, из деревьев выпиливать и осторожно сносить на специально вырубленную в лесу поляну, потому что думали: пчёлы без лесу жить не будут.

Поляны эти назывались «посёками» («сечь» значило «рубить»). С тех пор и пошло в языке знакомое нам слово **пáсека**.

— А потом что? — спросил Саня.

— А потом ещё много всего, — ответила Лена. — Тебе, пчеловод, надо, однако, книжки читать. ПТУ ты кончил — молодец. Но ведь и про техникум подумать не вредно...

Спала деревня Гольяново, спал журавль, прицелившись носом в Полярную звезду. Спала наша пасека. То есть это я по неопытности думал, что она спала.

МАТУШКА ПЧЕЛИНАЯ ЦАРИЦА

Целый день и целую ночь лил дождь. Пчёлы безвылазно сидели в своих ульях. А мы в своём.

Это был совсем не тот дождь, что веселит душу, что грянул и пропал. Эх, тоска-тощевна, скукота-иванна. Таня приуныла больше всех, потому что здесь не было ни игрушек, ни хоть какой завалящей детской книжечки. Лена придумала было сделать шашки из бумаги. Да в такие играть как-то неинтересно. Чуть дверь посильней приоткроешь — вся партия насмарку!

На терраске — здесь как бы наша кают-компания — я увидел самодельную полку с книгами. Всё больше научные труды, внутри графики, цифры... И вдруг — старинная роскошная книга! В тёмно-коричневой коже! С золотыми буквами! Правда, потрёпанная... Я посмотрел год издания. Ого! Больше ста лет!

Володя высунул нос из двери, покачал головой:

— Ну и погодка, ну и зараза!

Увидел, что я взял старую книжку:

— Правильно, полистай. Хорошая сказка.

Сказка?.. В предисловии я прочитал, что это сборник самоновейших научных статей. Правда, столетней давности...

Улёгся я на свою кровать. В дождь читается хорошо! Написана книжка была интересно и на тот очень старинный лад, как теперь писать уж не умеют: с разными словесными завитушками и фокусами.

Она и в самом деле была сказкой. Рассказывала про чудеснейший город Улей. Тут живёт Пчелиная Царица, окружённая своею свитой... А есть там пчёлы-уборщицы,

пчёлы-воины, пчёлы-собиратели мёда и пчёлы-строители. И до того уж всё рассчитано и расчислено в том государстве! Никто никому не перечит, и все беззаветно любят свою Царицу. А кончалась сказка словами, что, эх, мол, хорошо бы и нам так жить!

Я отложил старинную книгу и задумался. Ну пусть прав Володя (да я с ним и согласен) — это сказка. Конечно, пчелиная матка — в прежних книгах её называли Царицей — никому не приказывает. Она только ходит по сотам и откладывает яички, из которых через некоторое время появляются новые пчёлы. Но я сам видел однажды в стеклянном улье — есть такие ульи для наблюдения, где все стенки из стекла — сам видел, что матка действительно окружена плотным кольцом каких-то пчёл — чем не свита? Сам видел, как одни пчёлы кормят детву, другие чистят ячейки, третьи сторожат вход. Это всё факт. Это всё существует.

Ну, пусть не матка приказала им всем заниматься своими делами. Тогда кто? Или, может, они сами такие умные — знают, что им делать сейчас, а что через полчаса?.. Загвоздочка. И без Володи, видно, здесь не обойтись. Постучал к нему в комнату.

— Давай выручай, товарищ кандидат наук. Попал я в пчелиное государство, а выхода не найду.

Володя, прищурившись, посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Завтра...

СТРАННАЯ ПЧЕЛА

Назавтра опять стало солнечно. А как оно хорошо бывает ранним утром, и ранним летом, и после большого дождя — я об этом вам говорить не буду.

Мы стояли с Володей босые на тёплой влажной земле. Медленный пар подымался от неё, отливал серебром, лоснился и пропадал в чистом воздухе.

Пчёлы ещё не летали из-за недавнего дождя и мокротени. Володя подвёл меня к улью. Наклонился, приложил ухо к задней стенке его. То же сделал и я.

Я услышал мерное беспрестанное шуршание.

— Уже проснулись?

Володя улыбнулся и ничего не ответил.

Часа через два, когда просохло, и раскрылись цветы, и пчёлы без устали летали и летали, и трудовой гул стоял над пасекой, Володя сказал мне:

— Ну пойдём, попробую тебе кое-что показать.

Он выбрал улей, где жила сильная семья, то есть где пчёл было много. Они так и клубились, так и гудели над прилётной доской.

Мы стали сбоку, чтобы не мешать им. Шло время. Но если ты решил узнать жизнь животных, надо иметь терпение...

Вдруг Володя наклонился к летку:

— Видишь пчелу?

Для меня она ничем не отличалась от других. Пожалуй, только слишком уж медленно ползла по прилётной доске.

— Запомни её! — сказал Володя.

В ответ я лишь пожал плечами: как её запомнишь...

Пчела ушла в леток. И мы прождали ещё несколько минут...

— Вот она,— сказал наконец Володя.

Другие пчёлы с озабоченной суетливостью вбегали в улей и выбегали наружу. У всех полно было дел. Эта же медленно брела поперёк общего движения. И мне казалось даже, что она покачивается, хотя это, конечно, на шести лапах никак невозможно.

Вот странная пчела добралась до края прилётной доски, постояла секунду, словно о чём-то вспоминая или раздумывая. Сделала ещё усилие, ещё полшага и... свалилась в траву.

Володя поднял пчелу. Она была мертва. Ветерок катал её по Володиной ладони — серый невесомый комочек.

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЖУКОМ?

Родилось насекомое — таракашка, жук, муха или та же пчела. Только вылезли они «на свет божий» и сразу готовы делать то же, что взрослые насекомые: добывать еду, удирать от врагов... ну и тому подобное.

А вот родился человек: беспомощный, слабый, глупый. Любой малости он должен учиться.

Так, выходит, насекомым-то родиться выгодней. Сразу сам себе голова!

Но дело в том, что никакое оно не голова, это насекомое. Мы с вами растём, становимся умней, учимся. И после можем летать, как птицы, или плавать, как рыбы и нерпы, или, если очень постараемся, можем даже пройтись по Луне. Мы можем стать кем хотим. Потому что мы умеем учиться.

А вот, например, тот же таракан, он в жизни не научит-

ся плавать, как водомерка, или летать, как майский жук, или брызгать во врага кислотой, как муравей.

Каждое насекомое умеет только то, что от рождения дала ему природа. Это немного похоже на «умение» вещей: стиральная машина умеет стирать, но только стирать, автомобиль — мчаться по дорогам. А поменяться своими обязанностями или научиться чему-то новому вещи, как вы сами понимаете, не могут.

Примерно так же начал свой рассказ Володя. А я его старался побольше перебивать, чтобы всё разузнать как следует, а потом написать в книжке.

ЖИЗНЬ ПЧЕЛИНАЯ!..

Сперва она была яичком, потом куколкой, потом стала пчелой, прогрызла восковую крышку ячейки, в которой сидела до этого положенные дни, и — и вот вам готовая пчела.

— Была она жёлтенькая и пушистая, — говорил Володя. А я в это время смотрел через лупу на мёртвую пчелу и видел, что она тёмная, и волосков-пушистинок на теле её почти не осталось, и крылья все измочалены и разорваны.

...Только вылезла пчела, отряхнулась и сразу стала чистить ячею, в которой сидела, — грызла её, выскабливала. Наконец ячейка заблестела тусклым восковым стеклом. А пчела пошла искать другую ячейку, третью. Так она без устали работала четыре дня.

Потом вдруг её совсем перестала интересовать чистота в ячейках. Она почувствовала, что изо рта у неё капельками стало выступать молочко — очень ценный и питатель-

ный пчелиный корм. И наша пчела сама не заметила, как оказалась в «свите» пчёл вокруг матки. Матка без конца червила, откладывая яички, и то и дело слизывала молочко, которое ей давали пчёлы — все молодые, пушистые...

Прошла ещё неделя, молочко у нашей пчелы стало пропадать. Она теперь кормила детву, молочко вперемешку с нектаром отдавала в ячейки, куколкам. И те росли.

Потом у пчелы совсем не стало молочка. И с той поры её больше не интересовали ни матка, ни детва. К этому времени на брюшке у неё стали расти крохотные и тончайшие пластинки воска. Вместе с огромной армией таких же строительниц, как она, пчела снимала с себя вошинки, разжёвывала, разминала их, прилепляла к недостроенной стенке ячеи, вытягивала стенку. Потом терпеливо ждала, когда у неё вырастут новые восковые «кирпичики».

Несколько дней всё было чудесно. Но вот почему-то вошники начали расти хуже, медленней. И сама пчела вдруг из опытного строителя превратилась в полную неумейку. Забыла секрет, не могла больше лепить на диво ровные шестигранники сот.

Вскоре она совсем ушла от строительниц. Ей теперь нравилось другое. Она стояла у самого летка, и как только в него вбегала прилетевшая с цветов пчела, наша подходила к ней, раскрывала рот. И прилетевшая отдавала крохотную каплю нектара, свою добычу.

Однако наша пчела вовсе не ела нектар, она относила его в глубь улья, в медовые кладовые, и там выливала в ячейку — раз за разом, снова и снова, пока ячейка не наполнялась до краёв. Наша пчела стала теперь приёмщицей корма.

Здесь было много таких, как она. Но только одни принимали нектар, другие комочки перги — цветочной пыльцы, без которой пчёлы тоже не могут прожить. Недаром её называют пчелиным хлебом. Третьи приёмщицы брали воду. Но не выливали её в соты, а держали в своих зобиках и становились как бы пчёлами-бидонами или пчёлами-кувшинами. Каждый, кто хотел пить, подбегал к ним, и «кувшин» отдавал крохотную бусинку воды.

А ещё вода нужна в пчелином хозяйстве, чтобы разбавлять корм для детвы. А ещё — чтобы разбрызгивать в улье, когда становится слишком жарко.

Поработав недельку приёмщицей, наша пчела стала санитаром. Она выбрасывала на улицу всякий сор и трупы зажаленных врагов, проникших в улей. Крылышками своими она тщательно выметала и даже будто натирала дно улья, так что оно всегда тускло блестело, словно подземное озеро.

В жаркие часы дня пчёлы-санитары становятся вентиляторщицами. Они поворачиваются спиной к летку, под-

нимают брюшко, наподобие маленьких пушек, и начинают отчаянно бить по воздуху крыльями. Прислушаешься — словно гудит мотор: ровно, без перебоев.

Работают вентиляторщицы — из ульев идёт нагретый воздух, медовый дух. И тут на пасеку слетается, сползается, сбегается немалая армия всякого жулья: мухи, жуки, муравьи.

Последние дни перед вылетом из улья наша пчела сделалась сторожем, стала злой, недоверчивой. Только сунься, вражина!

Вон они лежат в траве: три мухи, пчела из чужого улья — пчёлка-воровка — и ещё задушенный жук-бронзовик. На нём броня, как на танке, пчелиные жала ему не страшны. Но пчёлы облепляют его сплошным клубком. И не уйти бронзовику!

Наконец новое поколение пчёл вылетает из улья. Правда, перед этим в особо погожие дни молодняк уже вылетал раз или два. Но как осторожно, как боязливо! Пчёлки всё время держались лицом к улью. Минуту-две повисят в воздухе и — домой. Страшно в открытом космосе!

Однако после нескольких тренировок пчёлы осваиваются с новым делом. И вот настаёт их пора, они теперь лётные.

— Наконец-то! — сказал я, довольный, что пчела, о которой мы столько времени толкуем, сможет полетать — по цветам, по солнышку, по хорошей погоде...

Володя, улыбаясь, покачал головой:

— Пчёлы, между прочим, улей свой любят куда больше, чем полёты. За всю жизнь пчела проводит на улице дней шесть-семь...

— Сколько же всего она живёт?

— Зимняя дольше, а летняя — месяц, месяц с неделей...

Я смотрел на весело гудящую пасеку. Я собирался

жить здесь месяца полтора. И не мог поверить, что всё это такое несметное пчелиное государство к моему отъезду исчезнет. А будут летать уже совсем другие пчёлы.

Но это было так!

...У лётной пчелы трудная работа: собрать нектар или собрать пыльцу, а потом с огромной этой ношей лететь в родной улей. Теперь я понимал, почему так тяжело опускаются пчёлы на прилётную доску. И сидят несколько секунд, вздрагивая брюшком, — дышат... Потом — скорей-скорей в леток, к приёмщице корма. И снова на работу — ей надо много успеть.

День за днём летала наша пчела. Но вот настал её срок, она состарилась, а вернее, износилась, как изнашивается старый автомобиль. В последний раз вылетела она за взятком. Насобирала нектару, как всегда, полный зобик, ничуть не делая себе послабления. Полетела назад, то и дело проваливаясь на изорванных, неверных крыльях, но кое-как дотянула всё же до знакомого аэродрома, спасибо встречный ветер утих.

Она тяжело бухнулась на прилётную доску и пошла, шатаясь, к летку. Её не жалели, на неё никто не обращал внимания. И она не жалела себя, спешила, пока не настала смерть, сделать всё, что ещё осталось ей сделать.

Вошла в леток, и к ней тут же подбежала приёмщица, вытянула капельку нектара и прочь, ничуть не думая, старая перед ней пчела или новая, увидит она её когда-нибудь ещё или нет...

Не увидит!

Старая пчела больше не любила родного гнезда. Теперь всё её существо стремилось только к одному: «Прочь отсюда!» Она выползла из летка, доплелась до края прилётной доски. Всё, санитарам будет меньше работы — последний долг перед ульем выполнен...

— Понял теперь, что это за пчелу мы подобрали? — сказал Володя.

Я посмотрел на то место, где лежала мёртвая пчела... Лупа, раскрытая книга, папиросы... Пчелы нет... Наверное, её подтолкнул ветер, она упала со стола и затерялась среди дремучего травяного леса.

Вечером, часов в десять, Володя, словно что-то вспомнив, тронул меня за плечо:

— Пойдём-ка.

Мы вышли на пасеку, остановились около одного из ульев.

— Ну-ка, послушай,— сказал Володя.

Я, как утром, приложил ухо к стенке улья — и снова за стеною был шорох от движения тысяч и тысяч пчёл.

— Не спят ещё? — спросил я удивлённо.

— Они никогда не спят,— сказал Володя,— ни одного часа за всю свою жизнь!

Меня эти Володины слова удивили, тронули за самое сердце.

— Почему ж они не отдохнут, Володь?!

Он пожал плечами:

— Работают, брат... Работают! Так уж устроены. Сколько б ни накопилось в улье мёда и пергí, они всё равно будут работать.— Володя положил руку на гудящий внутри улей.— Иной раз в гнёздах у диких пчёл находили мёду целые горы. Даже есть такое специальное слово — **каменный мёд**. Потому что он слежался — лет, может, за сто...

— Как за сто?

— А уж так. Летняя пчёлка, бывает, живёт и меньше месяца. А семья может прожить сто, двести и триста лет. Вон почитай,— он кивнул в сторону дома,— такие случаи были...

МАТКА

Сколько народа живёт в улье? В общем-то, я знал, что много. Но когда мне Володя сказал, я всё ж удивился. Примерно столько же, сколько в хорошем городе с десятком школ, с несколькими кинотеатрами, с городским парком, с кварталами новых домов и со старинными улочками. Главное население этого города — рабочие пчёлы. Их тысячи и тысячи.

А матка всего одна. Ясно, что поскорее захотелось её увидеть — такую знаменитость. И мне это удалось довольно-таки быстро. Как стали пчеловоды осматривать ульи, так я её и увидел. Вернее, Лена показала.

— Видишь? С синей точкой.

У неё действительно была синяя метка на спине.

— Ну, любуйся,— усмехнулась Лена.

— Любуюсь...— Матка была раза в два крупнее обычной пчелы. Вот, пожалуй, и все отличия, что я заметил.— А вы её зачем разрисовали?

— Ну... чтоб всегда сразу найти. Чтобы знать, как жива-здорова. Матка ведь!

— Ага! Значит, всё-таки царица?

— Ладно, пусть будет царица. Только царица, которая работает с утра до вечера.

— А вернее сказать, круглые сутки,— уточнил Володя. Я невольно подумал: вот бы так неслись наши куры!

Рабочая... царица. Странно звучит, верно? Да и «царица» — это слишком, конечно. Хотя положение матки особое. Без неё не будет детвы. А значит, погибнет семья. Когда рой остаётся без матки, из улья слышен тоскливый и тревожный гуд. Опытный пасечник сразу узнает его: «Пчела тужит».

В суровые зимы, когда пчёлам — особенно лесным — приходится плохо, когда они греются кое-как, сбившись в плотный комок, последний кусочек тепла и последняя сладинка еды будут отданы матке. Пока она жива, есть надежда, что семья не умрёт.

ЛЕНИВЫЙ

С трутнями я познакомился в последнюю очередь. Вот странные создания. Живут себе припеваючи — не делают ничего, только едят. Причём сами еду добывать не умеют. Кормятся тем, что подадут им рабочие пчёлы.

Трутни, а их в улье бывает немало, толпятся обычно у выхода, где попрохладней. Они большие, неповоротливые, толстые — много крупнее обычной пчелы, но чуть меньше матки.

Ползёт пчела, навстречу ей трутень. Рот раскроет, выпрашивает поест. Пчела выпустит капельку: «На уж!»

Когда кругом много цветов, когда хороший взяток, пчёлы трутней не обижают.

А зачем они вообще-то нужны, дармоеды?

Нужны! Без них матка не смогла бы откладывать яички.

После зимовки молодые, только что выведенные матки отправляются в весенний брачный полёт. Солнце сверкает, и матка летит в окружении целой дивизии трутней — из своего улья, из чужих.

Никто не знает, в чём тут дело, но все молодые матки всех пасек какой-то одной округи прилетают каждой весной в одно и то же место, на один и тот же луг. А потом они возвращаются в родные ульи, чтобы уже никогда больше не выходить из его темноты. А живёт матка четыре и даже пять лет.

Для матки обязанности перед семьёй только ещё начались. Для трутня уже кончились. Теперь он вольный казак. Хочешь в улье сиди, хочешь лети на прогулку.

Летит трутень, вид у него деловой, гудение басовитое. Так и кажется, что он в шляпе, в роговых очках, с толстым кожаным портфелем.

Как-то, уже совсем освоившись на пасеке, я сидел, прислонясь к задней стенке одного из ульев, и писал. Хорошо мне работалось. Ни комары, ни слепни на пасеку кровожадного своего носа не сунут.

И тут к моему блокноту подлетел трутень. Строго прожужжал страницу слева направо, будто читал, затем отправился дальше по своим якобы очень важным министерским делам.

И всё же трутню не позавидуешь. Ну что за удовольствие, в самом деле, весь век провести лентяем и побирuşкой. Да и смерть у трутней бывает ох как нехороша.

В конце июня отцвела липа. Пчелиные семьи получили хороший взятки. И здесь наступил перебой в их работе.

Правда, оставались ещё луговые цветы, но уже начался сенокос. А громадные гречишные поля должны были зацвести только дней через десять.

Пчёлы стали сердитые, «нервные». Напрасно трутни кланчили мёду. Всё чаще вместо еды им доставались укусы да жала. А трутень, он, между прочим, хоть и здоровенный, но беззащитный: жала у него нет.

Пчёлы сердитой толпой выталкивали неловких трутней на улицу, на прилётную доску. Иная, усевшись на трутня, с жужжанием гнала его прочь.

Впервые увидев эту картину, я страшно удивился, даже засмеялся. Но понял, что невпопад.

— Вот и конец ему пришёл,—сказал Саня.

— Ужалит?

— Увидишь...

Пчела бросила трутня и вернулась в леток. А он вдруг резко, с каким-то даже отчаянием взмыл высоко вверх. Я тотчас потерял его из виду, вопросительно посмотрел на Саню.

И здесь толстый дуралей вернулся, он упал на прилётную доску и был уже еле жив.

Голодный, он этим своим нелепым полётом сжёг последние остатки горючего. И теперь умирал, затухал, словно мотор. Крылья его дёргались слабо и не в такт.

— Зачем они так делают? — сказал удивлённо Саня.— Может, чтобы не мучиться?..

МЕД, ЯД И ПЧЕЛИНЫЙ ХЛЕБ

— Как на тоненький ледок выпал вкусенький медок! Как на тоненький ледок... — Танька поёт и приплясывает от нетерпения.

— Ну что ты несёшь? — говорит Володя, а сам улыбается.

Отцвела липа. И сегодня они с Саней «собирали урожай» — доставали из ульев рамки с мёдом. В одной соты были так полны, что не выдержала рамка. Теперь неровными кусками, глыбами полуразрушенные соты лежат на большом плоском блюде. И Татьяна пляшет вокруг него. Вы не думайте — конфетами её не удивишь, и тортом мама балует. А всё равно — мёду сотовому, «тёпленькому медку» она радуется больше всего.

— Как на тоненький ледок...

Белые чистые соты и правда кажутся ледяными под ярко-жёлтым густым липовым мёдом. Волшебный аромат разрастается над блюдом огромными невидимыми цветами.

Каких только чудес не рассказывают люди про этот необыкновенный продукт, про мёд. Каких только легенд не сложили. И почти всё, оказывается, правда.

Кто дольше всех живёт на свете? Пасечники. Не оттого ли, что частенько приходится им есть тёпленького медку?

Я тотчас вспомнил себя, как стою, маленький, перед магазинным прилавком: «Мам! Бабушк! Купи конфету!» Эх, глупый я был человек. Ничего не понимал. Слава богу, в книжке могу написать, чтобы хоть другие знали: «Мам! Бабушк! Купи медку!»

Но не только мёд, оказывается, целебен. В те разы, когда я охал и тряс ужаленной рукой, это же в меня влива-

лось очень полезное лекарство - - пчелиный яд. Люди даже специально ходят в поликлинику на пчелиные процедуры... Ложишься и ждёшь, когда к тебе в особом приборчике поднесут рассерженную пчелу. Конечно, дрожишь слегка. Потом: «Ай! Ой!» Глядишь, однако: радикулита как не бывало.

Между прочим, для тех, кто не слишком смел, теперь придумали пчелиный яд собирать. В улей ставят металлическую сетку, к которой подведены провода. Вот включена батарейка, по сетке идёт слабый ток. Пчёл это ужасно сердит. Они начинают жалить непонятного врага. Но жало скользит по железке, а яд остаётся на проволоке.

Потом сетку с мельчайшими капельками яда ставят в сушилку и аккуратно соскабливают порошок — сухой пчелиный яд. Теперь можно делать разные притирания, мази.

Конечно, дело это сложное и медленное. Поэтому пчелиный яд очень дорог.

Мёд, яд. А ещё перга — помните, «пчелиный хлеб»?

Он тоже целебен. Саня показал мне небольшую баночку с плотно пригнанной крышкой:

— Хочешь попробовать?

Я пожал плечами:

— Ну... давай...

Он отрезал кусок хлеба, тоненько помазал его маслом, сверху тоненько присыпал желтоватыми комочками перги. Комочки, потому что пчёлы приносят пыльцу именно слепленную в комочки. На задних лапах у них есть для этого такие углубления, вроде карманов. Если прикрыть леток специальной сеткой, можно эти комочки из пчелиных карманов «вынимать».

И вот Саня присыпал бутерброд щепотью перги — словно посолил:

— Ну, ешь!

С недоверием откусил я кусочек и... ничего не почувствовал. Просто хлеб и масло. Лишь потом я услышал слабый, но ясный и чистый запах цветов и тихую-тихую медовую сладость... Пчелиный хлеб.

— Всё,— улыбнулся Саня,— больше болеть никогда не будешь.

— Ну спасибо на добром слове, Санёк!

СТАРЫЕ УЛЬИ

Полдень. Я сижу на задах нашей пасеки, на опушке березняка. Здесь у Сани лежат пустые старые ульи.

Придёт осень, зима. Саня рабочие ульи — те, что с пчёлами,— уберёт в зимовник, сухой и прохладный подвал, а сам займётся на свободе старыми ульями — будет их осматривать, чинить.

Старые ульи пахнут мёдом и воском. Они чисты изнутри и крепки. Они лежат под дождями и под снегом, под градом и под весенней капелью. Но в них долго, а может, и никогда не заведётся никакой заразы.

В них очень много здоровья. В них ни единой щёлки. Трещины все и швы надёжно, накрепко промазаны прополисом — пчелиным клеем.

Я отковырнул кусочек прополиса, пожевал его. Пахло воском, но более — горьковатой берёзовой почкой. Клей этот пчёлы собирают с деревьев, как раз в те дни, когда из клейких почек вылезают острые мордочки листьев.

Собирать прополис — каторжная работа. Часами сидит пчела на дереве, работает, отдирает клей такими маленькими кусочками, что в микроскоп едва разглядишь.

А ведь его надо много, прополиса. На зиму пчёлы

заклеивают им потолок, облепляют леток, оставляя лишь очень узкий проход — «форточку».

Потом он так и остаётся в пустых ульях.

Татьяна полезла на старую яблоню. Какой аллах её туда понёс!.. В общем, когда кое-как спустилась, на левой ноге, от щиколотки до коленки, свежим росчерком зияла царапина. Добра яблоня, да не всегда!..

— Теперь уж, милая моя, не плачь! — говорила Лена, сама чуть не плача.

— А я и не собираюсь! — отвечала упрямая Танька.

Лена, закусив губу, мазала дочке рану какой-то тёмной жидкостью.

— Ну, щипет?

— А вот не щипет!

Дня через два царапины и след простыл. Вернее, след-то как раз остался, но более ничего. Я спросил:

— Ты чем её тогда мазала, Лен?

— А это прополис был. Разведённый в воде.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Мёд, прополис, перга, яд, воск. Вот, оказывается, сколько пользы приносит пчела. И всё же о главной пчелиной пользе не сказано здесь ещё ни слова.

Если б даже пчёлы не давали ни капли мёда и ни кусочка воска, если б их яд не был целебен, а прополис не лечил ран и ожогов, всё равно мы ухаживали бы за ними, и строили им домики-ульи, и зимой берегли от холода.

Потому что пчёлы дают нам... урожай. Всех фруктов, и всех ягод, и всех овощей. Без пчёл очень скоро исчезла бы гречневая каша, пропали бы полевые цветы, исчезли леса... И ещё много всего плохого и даже страшного случилось бы в природе, если б пчёлы перестали работать, летать с цветка на цветок.

Смотри, вот рисунок цветка: лепестки, а внутри тычинки и пестик. На месте цветка этого к осени может вырасти отличная слива. А может ничего не вырасти. Тогда говорят: пустоцвет.

Чтобы выросла слива, пыльца с тычинок должна попасть на пестик. Это уж обязательно, иначе ничего не получится. То же самое и в цветке груши, абрикоса, огурца, яблока, арбуза... Везде.

Но сама пыльца по щучьему велению не перепрыгнет с тычинки на пестик. Тут без пчелы не обойтись. Это она — копошится, ворочается в цветке, доставая нектар, а сама вся чумазая, вся в пыльце. Цветку только того и надо.

Правда, есть ещё бабочки. Но они слишком ленивы, любят покрасоваться, понежиться — слишком долго сидят на цветах. Мухи? Другими делами заняты.

Жуки-злодеи? Те заберутся в цветок и начинают его грызть, а не опылять.

Вот и остаются пчёлы да дикие их братья, шмели. Но шмелей не так уж много на свете. А вот пчёл именно много. Они и есть главные работники.

На столе лежат яблоки, огурцы, парочка полосатых арбузов, в вазе — персики. Раздели всё это на две равные части. Одну безжалостно выбрось в ведро — всё, её больше нет... Вернее, не было бы, если б не поработали пчёлы.

Они работают и зимой. В огромных теплицах, что расположились около больших городов. Гудят, опыляют. Только жаль — много их гибнет во время этой работы. Вот вылетает пчела из улья, и какой ни кажется она умной, а всё ж это простое насекомое. Не понимает, что вокруг неё полиэтиленовая плёнка. Ей хочется взлететь повыше. И не одна, так другая — хлоп в ту плёнку. А плёнка мокрая: на улице-то мороз. Намочила пчела крылья, упала. А там, глядишь, лужа, а там злой ветер дует из щели. И нет пчелы.

Когда хрустишь зимой огурцом, подумай о пчёлах!

ДОКТОРА

У нас на пасеке два обеденных стола: домашний, он на террасе, и уличный — перед домом, врыт в землю среди толпы густых колокольчиков: они стоят себе, смотрят, головами на нас качают.

Лена и я следим за пчёлами, что летают среди этих колокольчиков, будто птицы среди деревьев. Вдруг Лена тронула колоколец, стоящий с нами рядом:

— Больной.

— С чего ты взяла?

— Пчёлы не садятся, видишь?

И верно: подлетит пчела, покружится, словно понюхает замеченный Леною колокольчик, и прочь.

Через несколько дней колокольчик тот стал хиреть — видно, скрутила его невидимая прежде болезнь.

Зато другие цветки синели всё так же спокойно и весело. Пчёлы не тронули больного, не перенесли его заразную пыльцу на другие растения. А больной остался пустоцветом, в нём не завязалось семян. Значит, на будущий год все родятся здоровыми.

Пчёлы — доктора растений.

ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

Июль наступил, самый жаркий месяц в году. Безветрие, зной. Ещё утро не кончилось, а на градуснике уже тридцать.

Над пасекой плывёт особый, добрый, медовый и восковой дух. Я вдыхаю его и жмурюсь от удовольствия.

— Хочешь фокус? — говорит Саня. Он аккуратно подносит к летку дымарь, из которого слабо курится сизая струйка.

Вдруг я вижу, как невидимая сила тянет эту струйку в улей. Саня подносит дымарь к другому краю летка. Теперь дым отклоняется. словно кто-то его выталкивает.

— Вот что такое пчелиная вентиляция, понял?

В жаркие дни пчёлы сушат нектар. Ведь он, добытый из цветка, водянист почти как сама вода. А готовый мёд густ и тягуч. Солнце греет улей — выпаривает влагу, а пчёлы гонят её наружу.

Мы с Саней слушаем — через стенку хорошо слышно работу вентиляторщиц. Кажется, будто один толстенный комар ноет и ноет с большой натугой. Бесконечное: жжжж. Тысячи крыльев работают как одно.

Плывёт над пасекой невидимое сладко-пахучее облако. И чувствую его вовсе не я один. По стенке улья бежит муравей — ищет разведчик, не найдётся ли где щели, чтоб миновать грозную стражу, которая выстроилась у летка. Тут же рядом и муха сидит, будто греется. А у самой голову кружит от медового духа. Как бы в улей проникнуть?

Ох! Я бы не советовал, муха, вам туда проникать!

НЕ ЛЮБЛЮ НЕПОГОДУ

К вечеру в дальнем углу неба появилась зловещая чернота и синь. Загромыхало, словно там, наверху, кто-то передвигал с места на место столы и диваны. На полчаса жара стала нестерпимой. Деревья, цветы и вся гольяновская округа замерли в ожидании дождя. Только пчёлы неустанно летали за взятком.

Наконец туча затопила небеса, солнце пропало, и нам

показалось, что стало темно. Прошла минута. С шипеньем, треском близко и страшно ударили сразу две молнии, и без всякой репетиции, в одну секунду, на землю упал ливень. Спрятавшись в доме, мы смотрели, как он буйствует, а вместе с ним ветер, гром и молния.

Потом гроза ушла куда-то за лес, стала нестрашной. Правда, ливень остался, но это уж было ничего. Танька в одних трусишках топала по лужам:

— Дождик-дождик, посильней! Разгони моих гусей! Мои гуси до-ма, не боятся гро-ма!

А лужи были — на редкость: чистейшие, с зелёным травяным дном. И, наверное, теплым-теплы. У меня душа заныла, с такою завистью и грустью мне думалось о том, что я давно взрослый и никогда уж не смогу больше выско-чить так вот на чудесный июльский ливень — не положе-но! Я принуждён стоять здесь, на застеклённой террасе, среди умных и скучных взрослых... «Мои гуси дома, не боятся грома!..» Н-да...

— Её-то гуси ничего не боятся, а вот мои!.. — сказал Володя, нахмурившись.

Я давно замечал: пчеловоды не любят грозы, дождя и вообще всякой непогоды. Саня покачал головой: «Мухи у нас сегодня погибло — пропасть!» Муха на их языке значи-т пчела.

И Саня, конечно, был прав: застигнутые в лесу, в по-лях, под бомбами дождя пчёлы гибнут тысячами.

Такой добрый ливень!

Такой недобрый ливень!..

ОГРАБИТЬ ХОТЕЛИ!

Володя, Лена, а с ними, конечно, и Татьяна на несколько дней уехали в город. Мы остались на пасеке вдвоём.

На ночь я уходил в дом, а Саня спал в беседке, на широченном тюфяке, набитом сеном. И около Сани спало ружьишко заряжённое крупной солью.

— Мало ли какой медведь забурится, — говорил Саня неопределённо.

Однако никаких медведей не «забуривалось».

Но вот на третью ночь, как уехал Володя, я проснулся от хлестнувшего по ушам моим выстрела. Мне даже приснилось, будто я увидел огонь, вылетевший из дула.

Я выскочил на улицу как был, в одних трусах.

— Стой! — кричал кому-то Саня. — Стой, гад!

— Сашка, я здесь! — крикнул я и побежал в темноту, думая только о том, чтоб не налететь на какой-нибудь улей.

Я пробежал пасеку, оказался в березняке. Тут послышался рёв работающего на пределе сил мотора. И я увидел быстро улетающие красные огоньки машины. В берёзах в эту секунду кто-то мелькнул.

— Стой! — крикнул я очаянно. — Стреляю без предупреждения.

— Стреляй! — ответил сердито Саня. Это был он.

Мы вернулись на пасеку, зубы наши клацали — то ли от холодной росы, то ли от нервной ночной беготни.

— Я знаю, кто это был. — Саня стучал кулаком об кулак. — А доказательств нету.

— А чего он хотел-то?

— Улыбаться. Ну я ему тоже устрою. Ладно, давай сейчас на боковую. А завтра кое-что соорудим.

КОЛЬКА СМОЛИН

Уснул я удивительно быстро и спал как убитый, а когда проснулся, Саня был уже на ногах.

— Иди полюбуйся! — крикнул он мне.

Собственно любоваться было особенно нечем: около одного из ульев стояла тарелка. И пчёлы исправно курсировали между этой тарелкой и летком своего дома.

— Ты чего им тут, мёдом намазал? — пошутил я.

— Зачем мёдом — сахаром, — усмехнулся Саня. — Это сладкий сироп.

— А для чего?

— Понюхай внимательно, узнаешь.

Я надел пчеляцкую шляпу с сеткой, наклонился и стал «внимательно нюхать».

— Ну? — спросил Саня. — Чуешь?

— Погоди... вроде бензином припахивает?

— Точно!

— А зачем, зачем?

— Пчёлку тренирую. Ночью это знаешь кто был? Колька Смолин — я его узнал! По машине.

— Ну а при чём здесь?..

— Колька шофёр. От него всегда бензином пахнет. Вот я пчёлку и тренирую на его запах.

— Ну и что будет-то?

— Увидишь! — Саня сел на велосипед и куда-то укатил, крикнув: — Дом остаётся на тебя, имей в виду!

Сироп по-прежнему пользовался большим успехом. Вообще говоря, я знал, что пасечники тренируют пчёл на определённый запах. Например, нужно опылить красный клевер. Пчела сама по себе на него не сядет. У клевера нек-

тар спрятан слишком глубоко, пчелиный хоботок до него не дотягивается. Тогда пчеловоды делают сироп и крошат туда цветки клевера. Пчела привыкает к запаху. Назавтра сироп убирают. А пчёлы летают по клеверному полю, садятся на цветки — в общем, ищут сироп. И пусть мёду в ульях не прибавится, зато клевер даст хороший урожай семян.

Однако что же придумал Саня? Лёгко на помине, он скоро прикатил, очень довольный собою.

— Звонил в контору, наврал, что надо приехать, мёд забрать.

— Да ты что, Сань?!

— Совсем не понимаешь! — засмеялся Саня. — Завтра

Смолин Колька на своём драндулете приедет. Мы его на пасеку... Соображаешь?!

— А если не Смолин?

— Смолин! — сказал Саня уверенно. — Больше никому! — Потом призадумался и сказал: — Ну, риск, конечно, есть.

Назавтра, не успели мы толком позавтракать, послышалось фырчание машины, потом: «Би-биии!..»

Колька Смолин оказался не смоляной, не чёрный то есть. Он был светло-русый, нос, обсыпанный крупными веснушками, лупился, глаза коричневые и хитрованские.

— Завтракал? — спросил Саня.

— Ничего, — ответил Колька, усаживаясь, — запас не тянет. — И стал густо намазывать маслом кусок хлеба.

— Вот, между прочим, корреспондент приехал, — сказал Саня. (Колька кивнул мне, не переставая жевать.) — Таких, как ты, субчиков в «Не проходите мимо»...

Я внимательно поглядел на Кольку, но это был артист что надо! Он спокойно доел свой бутерброд, допил чай. Потом сказал:

— С вами, товарищ из Москвы, я очень рад познакомиться. А тебе, Шура, я никогда не советую брать людей на испуг.

— А почему я тебя видел вчера ночью?

— Этого ты, — сказал Колька даже как будто с грустью, — этого ты никому не докажешь.

— А почему следы твоего газика остались?

— Газик он и есть газик, Шура. Следы у всех одинаковые.

— Ну хватит, пошли!

Колька невинно удивился: мол, куда это и зачем?

— Доказательства тебе приведу, вещественные. Хочешь глянуть?

— Я вообще-то человек нелюбопытный...

Однако он пошёл вслед за Саней. Именно в ту часть пачеки, где вчера стояла «тренировочная тарелка». Я поднялся на крылечко, и мне прелестно всё было видно. Как из десятого ряда кино.

Вот они остановились, постояли секунду... Колька взмахнул рукой, потом ещё раз — казалось, будто он спорит. Это пчёлы летели на знакомый запах. А Колька, видно, решил, что его «окружают». Ещё через секунду пчёл, видно, прибавилось и Колька так замахал руками, словно плыл на рекорд мира. Потом он бросился бежать, крича и так сильно махая руками, будто надеялся взлететь.

Что именно он кричал, в этой книжке лучше не печатать. Но если это всё перевести на более человеческий язык, то получится примерно вот что: «Дорогой Саня, я больше никогда не буду обижать твоих пчёл, только убери их куда подальше!»

Так он и пропал в березняке. И больше я его не видел ни разу.

РОЙ

Помните, я рассказывал, как матка в окружении свиты кормилиц своих ходит по выскобленным, до блеска начищенным сотам и червит — откладывает яички. Одни в обычные медовые ячейки — здесь вырастут рабочие пчёлы. Другие в ячейки побольше — здесь вырастут трутни. Наконец, в огромную ячейку, которая выгибается похожим на арахисовую скорлупу наростом — это для матки.

Обычно семья выращивает новую матку, когда старая заболела, или ранена, или умерла. Но бывает, что старая матка жива и здорова, а новая всё равно появляется. Как

будто бы без всяких причин. Но это только кажется. Проходит день-два, и вдруг семья начинает роиться: примерно половина всех пчёл вместе со старой маткой вылетает из улья и отправляется по белу свету искать новое жильё, заводить новое хозяйство.

Странно, правда? Зачем это нужно? Зачем семье вдруг отдавать половину работников неизвестно куда, можно сказать, на ветер? Раньше думали, что это происходит, когда семья разрастается и в улье становится тесно. Да нет, часто роятся и совсем небольшие семьи.

В чём же дело?

Наверное, вот в чём. Роясь, семья как бы выполняет долг свой перед природой. Чёрными воздушными шарами разлетаются по свету пчелиные рои. Появляются новые семьи. А чем больше семей, тем больше пчёл, тем крепче держится за жизнь весь пчелиный род. Роевание — такой же древний рефлекс, как охрана улья, как умение лепить соты или забота о молодняке.

Всё это я узнал от Володи ещё до его отъезда в город. Мне очень хотелось посмотреть, как роятся эти самые пчёлы, да не представлялось случая. И вот однажды — это произошло на другой день после истории с Колькой Смолиным — я колот гнилушки для дыма, и тут Саня крикнул:

— Гля! Рой сыплет!

Я побежал к улью, на ходу надевая шапку с сеткой.

— Не бойсь, они теперь мирные, — сказал Саня. Сам он был в одних трусах и стоял перед ульем на коленях — смотрел.

«Сыплет рой» — так говорят пчеловоды. Но мне, скорей, показалось, что рой как бы выливается из улья. Или, лучше сказать, выплёскивается — словно вода через край ведра, густыми брызгами, тёмными гудящими волнами.

Сплошное пятно пчёл расплзлось по стенкам и середине улья, всё более облепляя его.

— Раньше о таком говаривали: рой сел медведем, — с удовольствием сказал Саня. Он любил щегольнуть старопчеляцким словечком.

Между тем рою вдруг «надоело» сидеть медведем, и он начал разлетаться. Чёрная живая кора на стенках улья стала дырявой, рыхлой. А пчёлы всё взлетали, жужжа носились по воздуху невообразимой, сверкающей на солнце кутерьмой.

— Улетят, Сань!

Он, улыбаясь, покачал головой:

— В рой совьются, тогда могут улететь. А по одной никуда они не денутся.

Но вот мы заметили, что рой стал садиться, сметаться, как говорят пасечники. Сейчас он выбрал себе толщиною с палец ветку яблони. Чёрный копошащийся и довольно плотный клуб его всё рос. Яблонева ветка ниже и ниже склонялась под тяжестью этого странного плода.

— Мать честная! — закричал Саня. — Роевню давай!

— А где она? — тоже крикнул я. Между тем мы стояли в двух шагах друг от друга.

— Ну где... — нетерпеливо крикнул Саня. — Дома где-нибудь. Погляди!

И я побежал. Саня мог бы принести роевню и сам. Но сейчас на пасеке он был главным. А я — лишь его подмастерье.

Надо сказать, что никчемушное это командирство дорого ему обошлось. Я кинулся в дом — туда, сюда... Нет роевни!

Наконец я увидел её — стоит себе на печке, похожая на корзину с крышкой. Я схватил её и выбежал на улицу.

Я увидел картину довольно странную: задрав голову к небу и шатаясь, словно лунатик, Саня медленно бежал по направлению к дому. Потом, как-то вдруг завалившись набок, побежал вправо. А голова его всё была запрокинута вверх.

Тогда я наконец догадался поднять голову. Не очень высоко, на высоте так, примерно, с полдерева, тяжело летел неровный пчелиный шар. Мне показалось, я слышу его тяжёлый гуд, хотя вряд ли это могло быть на самом деле.

Рой долетел до березняка и стал подниматься, медленно набирать высоту, чтобы перевалить это препятствие — озеро бело-зелёных деревьев.

Но, видно, ему не хватило сил. Или уж я не знаю что. Но только шар замер на секунду и вдруг сломался,

просыпался мгновенным дождём. И вот он уже висел неровною грушей на довольно тонкой берёзовой ветке.

Тотчас Саня превратился в настоящего охотника за пчёлами — решительного, отчаянного. Он окинул пасеку быстрым и жёстким взглядом. Побежал к бельевой верёвке, на которой висели разные наши с ним причиндалы. В два рывка оборвал её — бельё полетело на траву. Взял из рук у меня роевню... И вот он уже лез по берёзе — быстро, ловко и осторожно. Недаром он делал каждое утро зарядку, недаром умел ходить на руках. А был Саня по-прежнему в одних трусах, на плече кольцами висела бельевая верёвка, в зубах, на кожаном ремешке, роевня.

Вот тебе и спокойная работа, вот тебе и до ста лет доживают!.. Теперь он пробирался по тонкой ветке, как воздушный акробат. И высота была подходящая. Только шёл Саня не под куполом цирка, а под огромным и синим куполом неба.

Остановился и, балансируя, держась, как говорится, за воздух, подвёл роевню под висящую чёрную грушу, начал голою рукой потихоньку стряхивать, сталкивать пчёл. Я не дыша следил за ним.

Пчёлы мягкими комками падали в роевню. Но некоторые взлетали, жужжа. Гудели в воздухе чёрным сверкающим клубом — над Саниной головою, руками и лицом. А он всё продолжал работать, будто ничего не замечая.

Наконец, всё так же балансируя на гибкой ветке, он закрыл роевню, живо привязал к ней верёвку и стал опускать. Над роевней кружились пчёлы — из тех, что прежде не хотели идти внутрь, а теперь стремились туда всеми силами, да поздно. Если сейчас открыть для них роевню, начнётся кутерьма — можно и весь рой упустить.

Саня опустил роевню на землю, крикнул мне:
— Неси её в зимовник.

Я прошёл лишь несколько шагов и вскрикнул от боли: пяток бездомных пчёл разом безжалостно вцепились в мою босую ногу!..

Когда я вернулся на террасу, нога успела уже опухнуть, словно я её вывихнул. Саня, усмехнувшись невесело, показал мне свою правую руку. То была не рука — лапа: красная, толстая. А правое Санино ухо быстро приобретало вид олады.

Под вечер я вынес роевню на пасеку и вытряхнул пчёл в пустой улей. Теперь я был в перчатках, в шляпе и сетке, в ботинках. Саня мог лишь давать мне указания: нажатая рука его работала плохо.

Пчёлы повоевали немножко, но солнышко уже село, лететь им было некуда. И они все остались в новом своём доме. Здесь ждали их пустые соты — работай вволю — и рамка с мёдом — пропитание на первое время...

Легли мы в тот день рано, а когда поднялись, болезней наших как не бывало.

ПОЗВОЛЬТЕ ВАС ПРИГЛАСИТЬ НА ТАНЕЦ

О танцах пчёл придумано много легенд. В той старой Володиной книжке, которую я читал однажды во время дождя, рассказывалось о балах, что даёт «пчелиная царица» якобы в честь знатных залётных гостей.

Был жаркий день самой макушки лета — июль, семнадцатое число. Я помогал Лене осматривать ульи. Она была в лёгоньком платье без рукавов. Правда, в шляпе, но сетка поднята. И так она работала почти всегда. Странно, пчёлы её почти не жалили, словно жалели.

А я не верил в пчелиное милосердие. Я был в «непро-

кусываемой» рубаше с длинными рукавами, в тяжёлых джинсах. Да ещё эта шляпа и сетка. Работать так душно, парко — не хотелось до страсти. Но коли уж обещался помогать...

Мы подошли к новому улью, и я приготовился было снимать с него крышку.

— Смотри-ка! — сказала Лена удивлённо.

В эту жару приёмщицы корма ждали лётных пчёл не внутри улья, как обычно, а снаружи, прямо на «аэродроме».

И вот приземлилась пчела. Она дала нектару одной приёмщице, второй, третьей, четвёртой. Конечно, невозможно было рассмотреть крохотную каплю, которую каждый раз выпускала из себя прилетевшая пчёлка. Лишь видно было, как приёмщица всякий раз словно бы обнюхивает её. На самом деле она слизывала нектар.

Однако, опустошив зобик, пчела на том не успокоилась. Жужжа, она закружилась по прилётной доске, потом пробежалась немного и опять стала кружить.

— Лен, неужели танцует?!

Пчёлы, что были на прилётной доске, тоже, видать, удивились. Обступили танцовщицу. Потом некоторые стали повторять танец вслед за ней, как это бывает в деревне на кругу, когда одна плясунья раззадоривает и вызывает других.

У следующего улья мы опять увидели танцующую пчелу. Опять она рассовывала корм своим подружкам и кружилась, и бегала.

— Володь! Что гречиха, разве уже зацвела? — крикнула Лена.

За березняком, я знал это, есть большое гречишное поле. Последний раз я был там с неделю назад. Ходил за грибами и вот вышел к полю. Гречиха, казалось, даже и не думала зацвести. Впрочем, я не такой уж и знаток в этом деле.

— А что такое? — откликнулся Володя.

— Танцуют.

Володя подумал и сказал:

— Ну, стало быть, зацвела.

Не поленившись, я сел на Санин велосипед и напрямую, через березняк, отправился к полю. Они, между прочим, любят немножечко темнить, эти научные работники. Гречиха зацвела, пчёлы танцуют. Какая тут связь? На радостях, что ль, заплясали? Но пчёлы не умеют радоваться.

Они только умеют работать без усталости. И потом умереть.

Ещё не выехав на опушку, сквозь последние берёзы я увидел прекрасный бело-розовый цвет, разлитый по всему полю. Это было удивительно красивое и спокойное зрелище: белое поле, тёмно-зелёная кайма леса вдали, и выше — синее, июльское небо.

Ветер качнул в мою сторону густой медвяный аромат. И я невольно вспомнил гречишный мёд, который не раз покупал на рынке. Он был тяжёлый, тёмный, часто почему-то засахаренный. Лежал в глиняных мисках большими, натающими комками и льдинами.

Гречиховый ветер подул снова — густой, медвяный. И тут я услышал неторопливый рабочий гуд. Я прислонил велосипед к берёзке и вышел на берег белого озера. Оно полно было пчёл.

И днём и ночью цвела гречиха. В глубине цветков своих копила крохотные капли будущего мёда, а на тычинках — вкусный пчелиный хлеб. Это была её, гречишина, нелёгкая и непрерывная работа.

Над цветущим полем по невидимым своим тропинкам летали пчёлы. Собирали нектар и пыльцу. Это была их работа. И чем лучше пчёлы её выполняют, тем больше будет гречиши. Тем ярче и вкуснее она расцветёт на следующий год. Тем больше будет еды и работы для будущих поколений пчёл.

ЗАЧЕМ ОНИ ТАНЦУЮТ

Лена посмотрела на танцующих пчёл и узнала, что расцвела гречиха. А как?

— Она по танцам пчёл крупнейший специалист, — сказал Володя. — Балетмейстер!

— Ну, а гречиха здесь при чём?

— Ты вот наблюдал за ними, когда они танцевали? — сказала Лена. — Что ты заметил?

— Ну... — я пожал плечами, — кружились, жужжали...

Уследить за танцами пчёл совсем не просто. Если бы Лена в прошлый раз не показала мне их, я б, наверное, и совсем ничего не заметил. А между тем тут каждое движение важно — как слово в разговоре. Или, лучше сказать, в рассказе. О чём же этот «рассказ»? Да, конечно, о самом главном для пчёл — о медоносных цветах.

ПРО ЧТО ОНИ ТАНЦУЮТ

Вот пчела-разведчица вбегает в улей, прямо на рамку с сотами. Здесь оказываются и другие лётные пчёлы: одни отдают взятку, другие только отправляются в полёт.

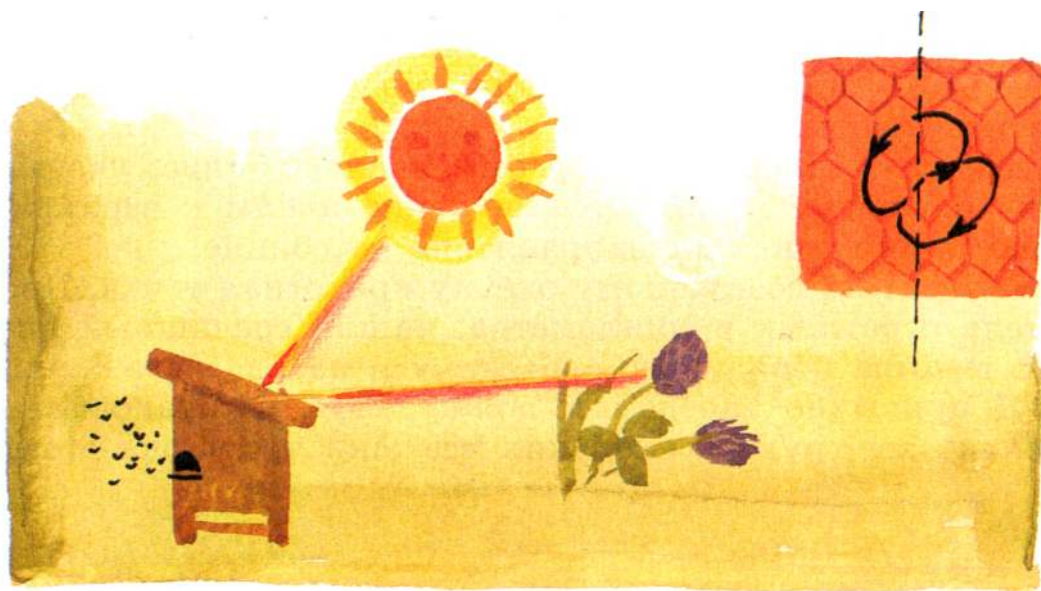
Разведчица жужжит, собирает вокруг себя пчелиный народ, потом выпускает капельку нектара. Это она рассказывает, что за цветы нашла. Ведь у каждого цветка — у клевера, у яблони, у гречихи — нектар пахнет по-своему.

Только после этого начинает она свой танец. Теперь гляди в оба, замечай каждое движение.

Если пчела танцует вяло, как бы нехотя, значит, нектарное месторождение так себе, бедненькое, совсем небольшой островок цветов.

Если же танцует легко, весело и никак не хочет остановиться, значит, местечко нашла что надо — какой-нибудь большой луг, поросший клевером, или поле гречихи. Значит, добыча будет богатая, нужно лететь! Нужно-то нужно, да только куда? Где она, эта самая гречиха? Может, совсем рядом, а может, далеко, где-нибудь за тридевять земель. Надо это знать, чтобы заранее рассчитать силы.

Смотрите-ка, танцовщица начинает делать круги, как будто бы танцует пчелиный вальс. Значит, нектар близко, не дальше ста человеческих шагов. Если бы он был далеко,

пчела бы затеяла другой танец — стала бы выписывать что-то вроде восьмёрок да ещё в придачу вилять брюшком.

Человечьих танцев не бывает без музыки. А пчелиных танцев не бывает без жужжания. Разведчица танцует, а сама гудит, жужжит... Рассказывает опять и опять, далеко лететь или близко. Потому что мало ли какие непонятливые попадутся. Или которые в первый раз — как мы с вами.

Что же она жужжит нам?

Однажды я слушал магнитофонную плёнку, на которой были записаны разные пчелиные сигналы. Если, например, до цели метров тридцать, то слышны такие звуки, словно заводят мотоцикл: дррр, дррр! А если далеко, с полкилометра, то кажется, что кто-то пилит дрова циркулярной пилой: вжжжик, вжжжик!

Точно так же прожужжала сейчас и наша разведчица. Итак, до поля гречихи полкилометра. Цветов целое море. Можно отправляться в полёт... Да, а в какую сторону лететь-то?

Вот танцовщица «прокрутила» восьмёрку и — внимание! — пробежала несколько шагов к верхнему краю рамки. Значит, лететь надо точно по направлению солнца. А если бы она пробежала вниз, значит, солнце должно светить в затылок.

Трудно даже представить себе, сколько бились учёные, пока наконец поняли, что движение пчелы к верхнему краю рамки означает направление на солнце.

...Летит по воздушному океану крохотная точка. Пролетела огромных полкилометра, нашла гречишный цветок, выпила невидимую сладинку и назад, в улей.

Я привычно зачерпнул ложку мёда и остановился: сколько же труда и скольких всё-таки чудес она стоит!

ПОЛЕТЕЛИ КУПАТЬСЯ!

На следующее утро в комнату мою, жужжа, влетела пчела — умытая, причёсанная, с синим бантом на голове.

— Дь-жжжжъ, б-жжж!

— Ты чего, Тань? Не пойму...

Я стал приглядываться: странно как-то она бегают и зачем-то подолом платья трясёт. Ах ты господи! Она же пчелиный танец исполняет — вчера маминых рассказов наслушалась. Ну, попробуем разгадать.

Бегают крест-накрест. Это, стало быть, восьмёрка... Понял! Подолом трясёт — тоже понял: восьмёрка плюс качание брюшком — значит, далеко. А вот направление я никак не разберу. Солнце у неё окно — это я догадался, но куда лететь-то... то есть идти? И зачем?

— Тань, не пойму никак.

Тогда она быстренько вылетела из комнаты, вернулась, покружила над моей кроватью и вдруг выплеснула на меня кружку воды.

— Танька!..

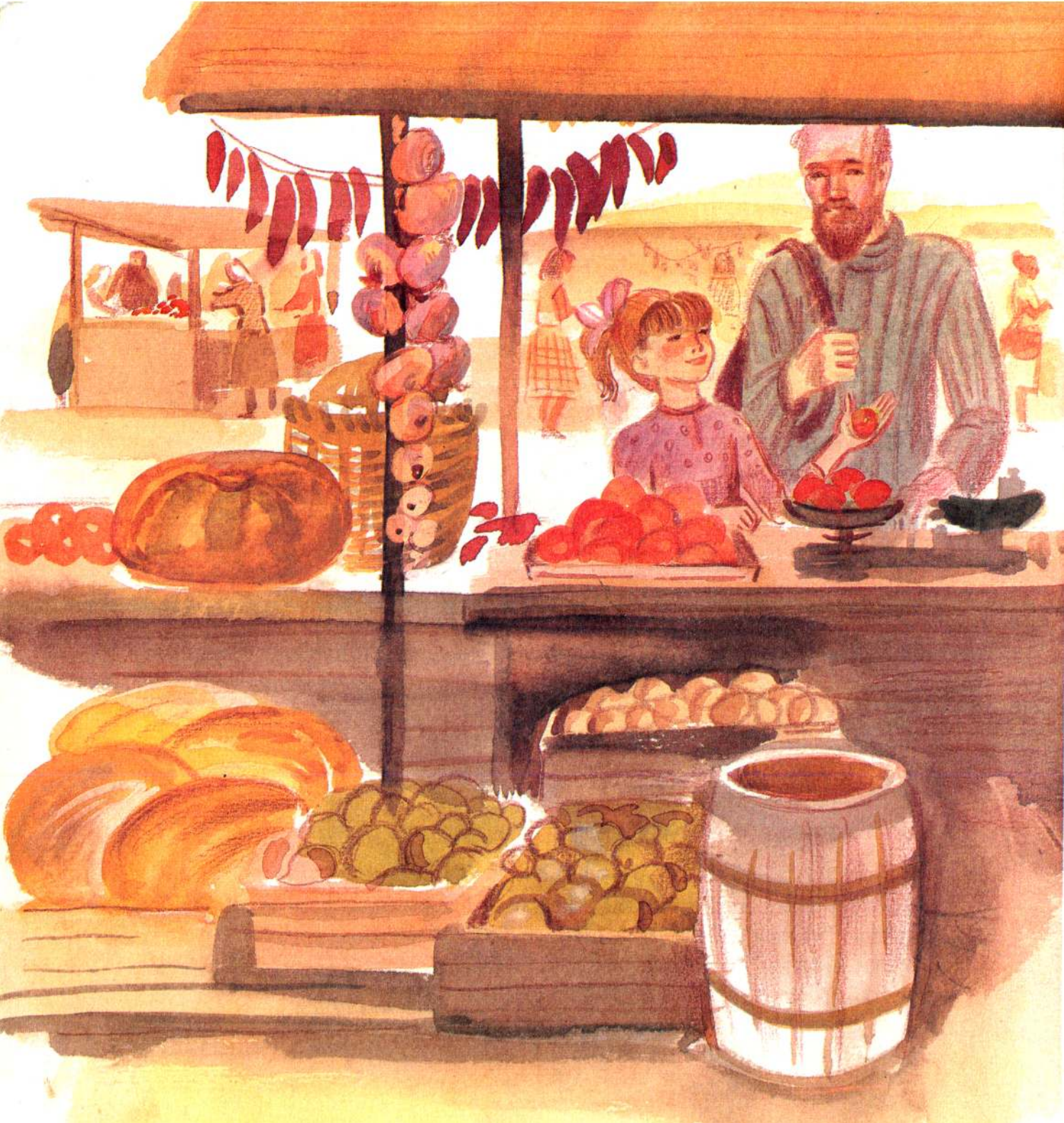
— Эх ты! Меня мама отпускает купаться с утра! Пойдёшь?!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЧЕЛА

Когда пишешь книжку о взрослых, то в конце можно сказать: «Они поженились, жили долго и счастливо и умерли в один день». Когда пишешь о ребятах, то хорошо кончить тем, как они выпутались из опасного приключения и стали кто умней, кто смелей, кто честней.

А когда пишешь повесть о пчёлах, то ничем таким кон-

чить невозможно. Вышла из ячеи, весь век свой недолгий трудилась, потом тихо умерла, убравшись из родного улья. А то и погибла в клюве какой-нибудь птицы, или пропала под июльским ливнем.

На пасеку я снова выбрался только в октябре. Осень выдалась ранняя, золотая. По утрам трава лежала седая от мороза. И когда выходило низкое солнце, над полями полз, извиваясь и серебрясь, редкий пар. Я ехал на велосипеде и радовался погоде и раннему утру.

Кругом стало теперь ещё просторней. Там, где высились овсы и поля хлеба, теперь осталось одно жёлтое жнивье. И гречиха давно уж была скошена, обмолочена. Не осталось и цветов — откуда взяться им осенью. Только деревья щедро желтели и краснели мне навстречу.

И пчёл я тоже, конечно, не видал ни одной. В пустых осенних полях им не найти корма. Они сейчас в своих ульях всё так же спокойно и непрерывно, будто ничего не случилось, готовятся к зиме. Гонят прочь последних трутней, шпаклюют стены дома своего клеем-прополисом.

А всё ж грустно природе без пчёл. Слишком тихо и молчаливо.

Я приехал на пасеку — ульи были убраны, дом заперт. На клочке бумаги, приколотой к дверям, Саниной весёлой рукой было написано: «Нахожусь в техникуме, буду вечером или завтра». Ну вот и всё. В гольяновских дворах, в одиноком и пустынном этом месте, вольно перекрикивались птицы, собиравшиеся на юг. Я постоял минуту и поехал в город.

День был воскресный. Оставив велосипед свой у Лены с Володей и прихватив Татьянку, я отправился на базар. Он оказался в этой местности хоть и невелик, а боек.

Да и было чем торговать. Яблоки чуть не ста сортов,

огурчики малосольные, кабачки, помидоры, сливы, груши-тонковетки. Ну и отдельно, конечно, медовый ряд.

Татьяну ничем этим было не удивить. Она уж приходила сюда сто раз. А я всё не мог налюбоваться, нанюхаться.

Горело спокойное осеннее солнце.

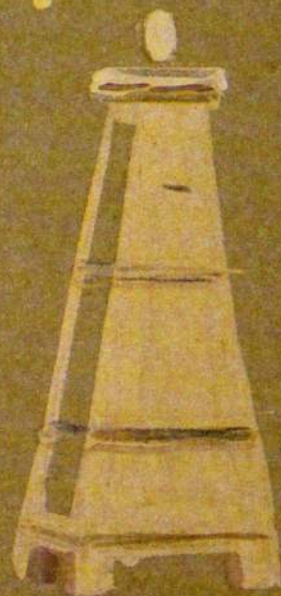
И здесь, может единственную на всём базаре, я увидел пчелу. Она присела на край кадушки с мёдом, попробовала, что за мёд, слетела, стала подниматься вверх над базаром, словно хотела узнать, всё ли здесь как следует, хорошо ли они поработали этим летом.

И, наверное, увидела, что хорошо. И улетела.

Прощай же! Доживи до будущей весны!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Иванов Сергей Анатольевич

НА ПАСЕКЕ

Повесть

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор И. Г. Найдёнова. Технические редакторы Е. В. Буташина, Г. Г. Рыжкова. Корректор Т. А. Нарышкина.

ИБ № 11082

Сдано в набор 12.04.89. Подписано к печати 18.08.89. Формат 84×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 23,8. Уч.-изд. л. 3,97. Тираж 300 000 экз. Заказ № 2190. Цена 25 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

И 4803010201—449 200—89
M101(03)-89

ISBN 5—08—000506—8

© Повесть.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979

© Иллюстрации.
Художник Т. Васильева, 1989